

Тема номера:

ПРИРОДА И ИСТОКИ НАЦИЗМА: РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В БОРЬБЕ С НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ

Нацизм в 1945 г. был побеждён, но не добит. Нацисты ушли в подполье, готовились и жаждали реванша. Выход из подполья стал возможен после 1991 г. Главная антинацистская сила мира в лице СССР была упразднена, и дорога для неонацистов открылась. В одних случаях нацизм выступил в новых облачениях, в других – в фактически тех же, в которых и выступали нацисты прошлого.

Мировой олигархат, безусловно, управляет нацистским проектом. Только нацизм даёт возможность легитимизировать новую иерархию, суть которой – установление системы антропологического неравенства. Нацизм в этом отношении не только подрывает все завоевания человечества последних столетий, но глубже – уничтожает фундамент традиционных религий и, прежде всего, христианства. Отвергаются установления Нового Завета, выраженные словами апостола Павла из Послания к Колоссянам: «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всём Христос». Для нацистов не просто существует разделение человечества, для них оно разделено на высшее и низшее.

Возникает, соответственно, вопрос, где та сила, которая остановит нацизм сегодня? Советского Союза уже нет... И миссию борьбы с нацизмом взяла в этой ситуации на себя Россия. Для многих на Западе это стало неожиданностью, поскольку казалось, что после уничтожения СССР потенциалы для борьбы у российского государства и общества полностью выхолощены. Россия встала на пути глобального проекта новой нацификации, и не случайно, что против неё мировой олигархат рекрутировал широкую коалицию сателлитов.

Борьба по всей видимости предстоит не менее тяжёлая, чем борьба против нацизма в XX в. И России для Победы надо стать собой, вернуться к своему фундаменту. А этот фундамент основан на принципах «ковчега» – идеи единства всех рас и народов. Россия есть антинацистская сила не только в силу современных геополитических реалий, и не только как наследница СССР, а цивилизационно.

Трагедия в «Крокус Сити Холле» предельно остро подняла вопрос о недостаточной регулируемости миграционных процессов. Теракт показал наличие критических сфер генерирования новых очагов этнической напряжённости. Очевидно, что истоки многих этнических конфликтов идут из прошлого, вызревают десятилетиями. Соответственно, для их выявления следует применить методику ретроспективного исследования. Предельно обострённые проблемы в национальных отношениях стали проявляться уже в позднесоветский период истории. Отказ от модели государства-цивилизации привёл к развитию тенденций формирования режимов этнократий. От этнократий, в свою очередь, прямой путь к нацификации. Украина прошла этот путь, превратившись в нацистское государство. Современным трагедиям предшествовали трагедии этнических конфликтов и погромов рубежа 1980х – 1990-х гг.

Нацизм возникает в результате деформаций общественного сознания. Эти деформации в значительной степени формируются через гуманитарный дискурс. Важно в этой связи деконструировать те концептуальные матрицы, на основе которых продуцируется нацистская идеология и практика.

УДК 930.1

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-7-28

НАЦИЯ, НАЦИЗМ И ФАШИЗМ: СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ПАРАДИГМЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Багдасарян В. Э.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление непротиворечивых подходов к определению понятий «нация», «нацизм» и «фашизм» в контексте задач нового мировоззренческого строительства в России, ревизии западного понятийного аппарата в российской политологии.

Процедуры и методы. Метод контекстуализации, проявляемый в рассмотрении феноменов «нация», «нацизм» и «фашизм» в контексте предлагаемых социогуманитарных парадигм и историко-культурного развития генерировавших их сообществ.

Результаты. Предложены подходы к определению феноменов «нацизм» и «фашизм». Показана связь развития концепции государства-нации с историей западной цивилизации, раскрыты деструктивные последствия её экстраполяции в незападные цивилизационные сообщества. Выявлены факторы генезиса нацизма в мире.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при формировании определений феноменов «нация», «нацизм» и «фашизм» в документах стратегического планирования Российской Федерации, образовательной и просветительской деятельности. Предложены подходы к идентификации нацизма и его блокирования на ранних этапах генерирования.

Ключевые слова: нация, национализм, нацизм, фашизм, нацификация, идеология, цивилизация

NATION, NAZISM AND FASCISM: SOCIO-HUMANITARIAN PARADIGMS OF POLITICAL SCIENCE DEFINITIONS

V. Baghdasaryan*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify consistent approaches to defining the concepts of “nation”, “Nazism” and “fascism” in the context of the tasks of a new ideological construction in Russia, to revise the Western conceptual apparatus in Russian political science.

Methodology. The method of contextualization, manifested in the consideration of the phenomena “nation”, “Nazism” and “fascism” in the context of the proposed socio-humanitarian paradigms and historical and cultural development of the communities that generated them.

Results. Approaches to defining the phenomena “Nazism” and “fascism” are proposed. The connection between the development of the concept of the nation-state and the history of Western civilization is shown, and the destructive consequences of its extrapolations to non-Western civilizational communities are revealed. The factors of Nazism genesis in the world have been identified.

Research implications. The results of the study can be used to formulate definitions of the phenomena “nation”, “Nazism” and “fascism” in strategic planning documents of the Russian Federation, educational activities. Approaches to identifying Nazism and blocking it at the early stages of generation are proposed.

Keywords: nation, nationalism, Nazism, fascism, nazification, ideology, civilization

Введение

Актуальность заявленной темы определяется феноменом реанимации нацистской идеологии и практики в мире. Наиболее ярким примером неонацификации являются процессы, происходившие на Украине. О том, что нацизм возродился, не раз говорил президент России В. В. Путин, подчёркивающий необходимость противодействия его возрождению¹.

Миссию борьбы с нацизмом в современных реалиях взяла на себя Россия, выступив преемником Советского Союза (соответствующее положение о преемстве внесено в Конституцию Российской Федерации и Концепцию внешней политики). При этом бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции, как и бывшие государства-агрессоры, поддерживают в той или иной форме украинский нацистский режим, а соответственно, и неонацификацию.

Вместе с тем обнаруживается запрос на внесение категориальной определённости в сопряжённые с вызовами неонацификации понятиями. Ключевыми в соответствующем ряду являются понятия: «нация», «национализм», «фашизм» и «нацизм». К сожалению, приходится констатировать отсутствие конвенциональных подходов к их раскрытию. Они зачастую смешиваются друг с другом, даются в эклектических сочетаниях, служат объектами манипуляций. Обвинения «националист», «фашист», «нацист» превратились в «язык вражды», посредством которого пытаются уязвить

любого противника. Ввиду размытости категориальных подходов подлинные явления нацизма и фашизма оказываются в значительной степени выведены из-под критики. Более того, обвинения в приверженности нацизму и фашизму переносятся на их противников.

Задача формирования новой идентичной для России системы мировоззрения определяет необходимость непротиворечивого раскрытия используемых в рамках неё категорий. Очевидно, что категории фашизма и нацизма как идеологических доктрин, которым исторически противостоял СССР и в настоящее время противостоит Российская Федерация, должны быть раскрыты непременно. Целевому ориентиру определения феноменов «нация», «национализм», «фашизм» и «нацизм» в контексте смысловых парадигм формируемого нового российского мировоззрения подчинено представляемое исследование.

Ключевым методом исследования явилось рассмотрение определяемых явлений в контексте используемых социогуманитарных парадигм и историко-культурного развития соответствующих сообществ. Методика контекстуализации позволяет посмотреть на генезис понятия «нация» как производной от западного цивилизационного контекста. Проводимый анализ также ставит вопрос о целесообразности применения его для описания общественных моделей незападных цивилизаций.

Подходы к определению происхождения феномена нации

В раскрытии парадигм феномена нации выделяется несколько оппонирующих друг другу подходов. В соответствии с многообразием трактовок термина «на-

¹ Путин призвал не допустить возрождения нацизма // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1661367/2024-03-06/putin-zaiavil-cto-nyneshnie-nemtcy-ne-nesut-otvetstvennosti-za-natsistov> (дата обращения: 06.02.2024).

ция» различаются и трактовки генезиса нацизма. Примордиальный (или эссенциалистский) подход состоит в рассмотрении наций как общностей, исходно существующих с началом политической истории человечества. Наиболее видным представителем примордиалистского направления принято считать К. Гирца, хотя как примордиалист он был далеко не самый последовательный сторонник соответствующей позиции [16]. Нацизм в примордиалистской версии мог означать предельное обострение чувства национальной принадлежности в условиях потрясений и особой опасности.

Конструктивизм, взявший в целом в западной гуманитаристике верх над примордиализмом, смотрит на нацию как на искусственный конструкт [54]. Нации не рождаются естественным образом, а создаются элитами. Согласно позиции британского философа и антрополога Э. Геллнера нация есть миф, посредством которого происходит объединение населения [14]. Британский политолог, автор нашумевшей книги «Воображаемые сообщества» Б. Андерсон оценивал феномен нации гораздо жёстче – как целевую манипуляцию со стороны элит [1]. Сообразно с этой позицией, нацизм и есть наиболее иллюстративное проявление манипулятивных технологий.

Британский историк-марксист Э. Хобсбаум в опровержении примордиалистов выдвинул концепт «изобретённых традиций». Им приводились примеры того, как некие этнические установления, воспринимаемые в качестве древних традиций, оказывались не более чем мифом эпохи модерна. В качестве таких изобретений Хобсбаум приводил, в частности, романтизированные элементы шотландского народного костюма [61; 62; 66].

Промежуточную позицию между примордиализмом и конструктивизмом заняло направление этносимволизма. Основоположителем этносимволистского подхода выступил британский социолог Э. Смит, признававший, что нация

опирается на этнос, но в её создании используются инструменты конструирования [73]. Этнос признаётся в качестве примордиалистского ядра конструируемой нации. Этническое берётся в качестве символического для национального конструирования. Так, к примеру, нация украинцы – безусловный политический конструкт. Но чтобы его сформировать были взяты символические элементы народного быта: гопак, чубы, вышиванки и т. п. Таким же образом конструировался и нацизм как радикальная этнизация национального строительства.

Направление инструментализма шло в целом в фарватере конструктивистского направления, видя в нации инструмент для достижения конкретных целей в исторически конкретной ситуации. Не нация выдвигает цели, а под выдвинутые цели формируется нация. Часто нация создаётся для борьбы с неким другим сообществом. Когда идея этого противоборства предельно акцентирована и обострена – «существование против» – создаётся благоприятная почва для перехода национализма в нацизм. Одним из череды представителей инструментализма в этносоциологии выступал член администрации Белого Дома, сенатор, представитель США при ООН и посол в Индии Д. Мойнихэн [65; 68].

Эволюционизм так же, как и примордиализм рассматривал нации как естественный феномен. Но если примордиалисты относили его возникновение к исходной стадии социогенеза, то эволюционисты считали историческим этапом эволюции. Именно эволюционистская трактовка была взята за основу советским обществоведением. Переход от этноса к нации связывался с развитием капитализма, формированием национальных рынков [47].

Но будучи феноменом историческим и не примордиальным, нации в этой логике должны были в будущем отмереть. Если национальные рынки нации создавали, то мировой рынок должен был

нации упразднить. Нацизм в эволюционистской версии объяснялся как кризисный этап развития нации, связанный с начавшимся процессом её отмирания. Нацисты выступали в качестве силы, пытались отстоять нацию, прибегая к радикальным средствам в её отстаивании. В марксистском дискурсе нацизм связывался с экстремизацией капитализма. Неспособный решить острые внутренние проблемы, «загнанный в угол» капитализм порождает нацизм.

Культурализмом в объяснении происхождения нации может быть определено направление, связывающее её с определённым типом культуры. Непосредственно феномен нации был порождён западной цивилизацией, будучи связанным с определённой фазой истории Запада. Выдвижение концепта нации явилось выходом из длительных религиозных войн, попыткой замены идентичности религиозной идентичностью национальной. Модель государства-нации возникла как отказ от модели государства-империи. Позже западный концепт нации был искусственно перенесён в незападные сообщества. Попытки его переноса почти везде вызывали кризис межэтнических отношений, продуцировали войны. Нацизм в культуралистской версии оказывался логическим следствием национализма. Государство-нация должно было либо в перспективе отказаться в пользу индивидуума и прийти к самоотрицанию, либо взять за основу этничность большинства, эволюционируя в сторону этнократии, а соответственно, и нацизма. Культуралистский подход позволяет поставить вопрос о деструктивности понятия «нация» из-за содержащихся в ней угрозах нацификации. Кто-то может возразить, что оно прочно вошло в язык общения. Но это лишь означает, что вирусы национализма и производного от него нацизма проникли очень глубоко в сознание сообществ и исцеление будет тяжёлым. Вероятно, начавшаяся в России ревизия политологического языка

должна в том числе затронуть и понятие «нация».

Государство-нация и национализм

Западный колониализм исторически имел разные проявления, одним из которых была колонизация обществovedческого языка незападных стран. Закладывались стереотипы. Внедрялся соответствующий категориальный аппарат. Результаты таких экстраполяций часто имели самые деструктивные кризисные последствия. Одной из таких экстраполированных категорий явилось понятие «нация».

Понятие «нация» связывалось в своём генезисе с исключительно западным контекстом. Первоначально слово «нация» в латинском языке означало «племенной». Это было прямо противоположным ракурса «гражданский», которое придают понятию «нация» в настоящее время.

«Священная Римская империя германской нации» – само название противоречило сути христианского неэтнического понимания имперской общности христиан. Христианская империя не могла, казалось бы, быть империей какой-либо из наций. Казалось бы, выраженный словами апостола Павла императив «нет ни эллина, ни иудея, ни скифа...» исключал имперостроительство на национальном фундаменте. Но Европа, инкорпорируя в христианское имперостроительство этнократические основания, фактически подменила суть христианства. Европейская империя была империей германской нации. Это противоречило природе надэтнического имперостроительства на Востоке.

Германцы позиционировались как нация господ. Кельты, славяне, романские народы были в империи людьми второго сорта. К концу XVIII в. Священная Римская империя германской нации изжила себя. Вольтер иронизировал, что она ни священная, ни римская, ни империя. Из всей титуляции оставалась не подвергаемая Вольтером сомнению германская на-

ция, из которой был в дальнейшем возвращён германский национализм [43].

Развитие концепта государства-нации принято связывать с системой Вестфальского мироустройства [57]. Выдвижение его было сопряжено со специфической ситуацией, сложившейся на рубеже Средневековья и Нового времени в Европе. Средневековая Европа не могла справиться с религиозной нетерпимостью. В XIII в. папством была учреждена Святая Инквизиция – суд над еретиками. Со временем она превратилась в конвейер уничтожения инакомыслящих, равно как и подозреваемых в инакомыслии. Инквизиционный репрессинг создал ту установку, породившую в дальнейшем феномен «гильотины». Не Россия изобрела массовый террор. Он был изобретён в католической Европе, и изобретателем его выступили верховные понтифики. Апогей инквизиционного репрессинга приходится на время руководства испанским трибуналом Томаса Торквемады (1483–1498 гг.). Помимо еретиков, репрессии обрушивались на мусульман и иудеев. Вначале евреи, в 1492 г., а затем и мавры, в 1505 г., уже после смерти Торквемады, были изгнаны из Испании [29].

Кризисное состояние Католической церкви породило в начале XVI в. явление Реформации. Началась всеевропейская война католиков и протестантов. С одной стороны – нетерпящее инакомыслия папство, с другой – фанатики-реформаторы. Мартин Лютер был эсхатологом и в эсхатологическом ракурсе трактовал происходящие современные события [36].

Реформация привнесла раскол в Священную Римскую империю германской нации. Католики и протестанты, подданные империи, католические и лютеранские князья сошлись в кровавой войне за веру. Выход, казалось, был найден в формуле Аугсбургского религиозного мира 1555 г.: «чья земля, того вера». Если во главе княжества стоял католический правитель, то соответствующая страна считалась католической. Если правитель был

лютеранином, то и страна была лютеранской. Но мира не получилось. Принцип вероисповедания по вероисповеданию короля или князя не срабатывал. Под властью монарха, придерживающегося одной конфессии, часто оказывались представители другой конфессии, ставящие веру выше политической лояльности. Новые религиозные войны обозначили провал аугсбургской модели.

Выход был найден в уходе от религии как таковой. Религиозная принадлежность маркировалась как то, что разъединяет и приводит к конфликту. Запад после религиозных войн сдвинулся в сторону секуляризма. А взгляд на религию как источник конфликта утвердился в западном общественном сознании и западной обществоведческой мысли. «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона, как, в сути своей, столкновение религий, является в этом отношении одним из продуктов утвердившегося подхода [59].

Вместо религии был найден новый конструкт государственностроительства – гражданская нация. На смену Аугсбургскому миру пришёл заключённый в 1648 г. Вестфальский мир. Считается, что с Вестфальского мира и утвердилась модель государств-наций [40].

Под нациями понималась теперь совокупность граждан. Агрегированное волеизъявление этой совокупности стало пониматься в качестве основания формирования государственной политики. Взгляды и мнения отдельных граждан могли быть, безусловно, различны. И, соответственно, речь могла идти о позиции большинства. «Существование нации – это повседневный плебисцит как существование индивидуума – вечное утверждение жизни», – заявлял впоследствии Э. Ренан [45, с. 100–101]. Французы, развивал он идею гражданского национализма, смогли создать нацию, а вот австрийцам объединить в нацию все многочисленные народы «лоскутной империи» так и не удалось. Признавая значение исторической памяти для нации,

Ренан указывал, что столь же значимо для неё и умение забывать. Примерами такого забвения стало вычёркивание из памяти существования в Средние века фактически самостоятельных идентичностей на юге Франции, говоривших на провансальском и каталонском, а не французском языках, равно как и отдельной общности гугенотов. Великая Французская революция, снёсшая все прежние внутренние перегородки средневековой Франции, окончательно утвердила идею гражданской нации французов. Во главе французской нации стал корсиканец Наполеон Бонапарт.

Итак, арифметически вычисляемое большинство оказывается с начала Нового времени ядром гражданской нации. Но сразу же возник вопрос: как быть с меньшинством? Меньшинство в системе плебисцитной демократии, да и демократии вообще, было обречено быть в проигрыше. И становление государств-наций фактически сразу актуализировало вопрос об этнических меньшинствах. Логика национализма предполагала их ликвидацию: либо мягкую – ассимиляционную, либо жёсткую – с применением физической силы. В тех случаях, когда этническое меньшинство не желало растворяться в единой гражданской нации, выстраивались механизмы её дискриминации. Идея нации породила национализм, а национализм при его экстремизации превращался в нацизм.

Гражданские нации французов, немцев, итальянцев... Возникал очевидный вопрос: чем каждая из них отличается от другой? Возможных ответов было два. Первый – отрицательный – ничем. Такой ответ предполагал следующим шагом осуществить переход от национальных государств к мировому государству. Мировая система капитализма соотносилась с выстраиванием в перспективе глобального сообщества. Фактически в этом направлении и работала, с одной стороны, логика глобализации.

Второй ответ состоял в поиске некоего отличительного идентичного фундамента гражданской нации. Такой фундамент обнаруживался в этническом большинстве. Французская нация – это в сути этнические французы, германская – немцы, итальянская – итальянцы... Национальное государство превращалось в этой логике в этнократию. Американская нация оказалась сведена, в частности, к белым протестантам англосаксонского происхождения. Ни латиноамериканцы, ни чернокожие, ни индейцы к американской нации не относились. Пресловутый «плави́льный котёл» имел свои ограничители.

Не было ни одного государства-нации, которое бы в своём генезисе не переходило бы к системе этнократий, что являлось в сути отрицанием исходного посыла об идентичности на основе единого гражданства. Показательны в этом отношении попытки построения национальных государств на постсоветском пространстве. Каждая из попыток (за исключением, вероятно, Белоруссии) привела к построению этнократических режимов. Следствием установления этнократий становилась дискриминация этнических меньшинств. К дискриминируемым почти везде относились представители русской этничности.

Для гражданской нации был нужен фундамент. Его могли найти, во-первых, в религии, во-вторых, в идеологии, в-третьих, в этничности. Первые 2 пути противоречили самой идее государства-нации и предполагали иную парадигму государственностроительства. В этом отношении дрейф постсоветских государств, разорвавших с коммунистической идеологией, был предопределён.

Конструируются искусственно версии великого прошлого соответствующих этносов, пишутся соответствующие учебники. Необходимым компонентом такого конструирования оказывается формирование образа врага. В логике этнократий врагом должен был оказаться также некий этнос. И вот перспектива нацизма

оказывается в этой логической развёртке фактически предопределена.

Доминанция Запада выражалась в аксиоматическом принятии положений западного обществоведения. Контекстное историческому развитию Европы и специфичное понятие нации было перенесено в сообщества, выстраиваемые на основании иных моделей. Иницируются проекты построения государств-наций на Востоке. И фактически везде эти попытки взрывают складывавшиеся веками системы комплиментарного этнического сосуществования. Концепт нации взорвал Восток. Полилась кровь. Еврейский национализм сталкивался с арабским национализмом. Были искусственно сконструированы национализмы африканских государств. Геноцид тутси в Руанде, когда за 100 дней было уничтожено от 500 тысяч до 1,1 миллиона человек, является яркой иллюстрацией последствий логики строительства национальных государств [26].

Свои разрушительные последствия имел перенос категории «нация» и для России. Ещё сравнительно недавно звучали причитания о том, что в России никак не получается построить гражданскую нацию по европейскому образцу. И это понятно: российская цивилизационная модель не укладывалась в логику нациестроительства.

Но всё же концепт наций был имплементирован в XX в. в систему государственного устройства. По национально-территориальному признаку была выстроена административная система государства. Соответствующий подход являлся заимствованием положений австромарксизма. Сказывалась и политическая конъюнктура. С одной стороны, решалась задача воссоздания единства страны, и для окраин сохранение национальной государственности являлось своеобразным компромиссом. С другой, делалась ставка на вхождение в Советский Союз в дальнейшем в ходе мировой революции и других освобождающихся

от власти капитала стран, которые могли войти в СССР в статусе новых национальных союзных республик¹. Одной из таких республик в свете событий 1923 г. виделась, к примеру, Германия. Но при всём этом сами большевики считали национально-территориальную модель переходной, исходили из перспективы слияния наций. В. В. Маяковский писал в 1926 г. стихи на смерть дипломатического курьера товарища Т. Я. Нетте, в которых выражал чаяния «чтобы в мире без России, без Латвий, жить единым человечьим общежитьем». Но переход затянулся, а переходная система приобрела характер колеи.

В союзных республиках и автономиях заявлялись титульные нации. По отношению к ним другие этносы находились в потенциально дискриминируемом положении. При сильной позиции Центра такая дискриминация подавлялась на корню. Проводилась кадровая политика, характерная, в частности, для сталинского периода, направленная на недопущение формирования региональных этнических кланов. Но при ослаблении регуляции со стороны Центра и установках на «коренизацию» дискриминация стала находить латентные проявления. Одновременно нарастала этническая напряжённость. Отдельные прецеденты свидетельствовали о её росте уже в брежневское время. В период же перестройки она сублимировалась в открытые межэтнические вооружённые конфликты, ставшие фактором разрушения советской государственности.

Однако система национально-территориального устройства была сохранена и при переходе к постсоветской государственности. И в этом смысле слова президента о «мине замедленного» действия

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1924.htm> (дата обращения: 03.02.2024).

являются констатацией деструктивности самой почерпнутой из западного лексикона идеи нации.

Исторически российское государство-строительство осуществлялось не по лекалам государства-нации или совокупности государств-наций. Понятие государство-цивилизация было заявлено В. В. Путиным в послании Федеральному собранию 2012 г. именно как альтернативное государству-нации¹. И сегодня освобождение от понятийных штампов западного обществоведения, выработка собственного политического языка является задачей особой актуальности.

Понятие «национальность» и марксистский дискурс вокруг национального вопроса

В отечественном обществоведческом дискурсе одновременно использовалось понятие нация в двух значениях:

1. согласно французской школе трактовалось как политическая общность;
2. согласно немецкой школе – как культурная общность.

Такое смешение имело место и в советский период, и в ещё более эклектичном варианте – в современный. Понятия «национальные интересы» и «национальная безопасность» оказываются связаны с трактовкой нации как политической общности. При этом использование словосочетаний «национальный вопрос» или «национально-культурная автономия» подразумевают нацию в версии общности культурной, сопряжённой с этничностью.

Ещё более запутанной ситуация оказалась с привнесением в русский язык понятия «национальность». Реконструкция показывает истоки обнаруживаемых различий в перенесённой в Россию полемики между немецким и австрийским направлениями в марксизме. Пер-

сонально она была представлена фигурами К. Каутского и О. Бауэра. Каждый из них использовал понятие «нация» в применении к контексту собственного государства: первый – Германской империи, второй – Австро-Венгерской империи. Германия на рубеже XIX–XX вв. была единым немецким государством. По отношению к нему, несмотря на позиционирование в качестве империи, вполне могло быть применено определение государства-нации. Соответственно, и нацию К. Каутский сообразно с видением К. Маркса рассматривал как единую экономическую общность. Её появление сопрягалось с формированием национального рынка. Единый национальный язык являлся необходимой производной от единства экономического пространства [24].

О. Бауэр пребывал в ином контексте: не государства-нации, а распадающегося государства-империи. Австро-Венгрия была государством наций, во множественном числе. Соответственно, австрийцы, венгры, чехи, словаки, хорваты были для Бауэра различающимися психологически и культурно национальностями [8].

Российские марксисты восприняли одновременно и идеи Каутского, и идеи Бауэра. Устройство Российской империи было в чём-то ближе Австро-Венгрии (многоэтничность), чем-то ближе Германии (наличие доминантного этнического ядра). Можно считать, что В. И. Ленин в трактовке нации склонялся к трактовке Каутского, тогда как И. В. Сталин – Бауэра, хотя и обвинял его в «спиритуализме». Сталин определял нацию как «исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада». Характеристика политической принадлежности в сталинском определении отсутствовала. Интерпретация *через культуру-язык* соединялась с интерпретацией *через экономику*. Территориальная принадлежность

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 03.02.2024).

объяснялась рассмотрением Сталиным нации в её генезисе – «возникшую на базе определённой общности». Генезисный подход давал основание считать евреев отдельной нацией, в чём им отказывал К. Маркс. Включение в характеристику нации компоненты «психического склада» вообще отличало сталинский подход от фарватера марксизма [50, с. 296].

Категория «фашизм»

Слова «фашизм» и «нацизм» используются сегодня как «язык вражды». Обвинения в фашизме – это приём маркировки противника. Есть некое зло – фашизм (в другой версии – нацизм), подвергнутое конвенциональному осуждению на Нюрнбергском трибунале. Использование маркера «фашизм» («нацизм») означает перенос вынесенного вердикта об идентификации «абсолютного зла» на противника или оппонента.

Вольность в использовании слова «фашист» заставляет с очевидностью поставить вопрос о дефиниции. Чтобы называть кого-то фашистом следует дать определение фашизма. Удивительно, но с этим имеются большие трудности. Обнаруживается отсутствие конвенционального подхода к определению [13; 44]. Есть нечто осуждаемое, называемое «фашизм», что оно есть в сути – не определяется.

Попытаемся всё-таки придать используемому понятию «фашизм» определённую. Из многочисленной литературы по проблематике фашизма, идеологических и научных маркировок можно вычленил несколько ключевых определений. Речь идёт именно о сущностных определениях, а не о признаках, которых может быть множество и которые могут относиться и к другим явлениям. Определение через перечень признаков того, что имело место в Германии и Италии в соответствующие исторические периоды, только затемняет выявления существа явления. Э. Нольте выделил 5 признаков фашизма, В. Випперман – 12, а С. Пэйн и

У. Эко – по 14 [11; 35; 63; 70; 71]. Признаки в предложенных перечнях различаются. Что эти перечни дают для понимания фашизма? По большому счёту, они только размыывают осмысление явления. Так С. Пэйн отнёс к признакам фашизма *мистицизм*. Означает ли это, что фашистов не-мистиков не бывает? И означает ли это, что всякий мистик – фашист? Муссолини был основоположником фашизма, но мистиком не являлся. У. Эко и вовсе относил к признакам фашизма *неприятие нестандартного сексуального поведения*. Означает ли это, что фашисты – это те, кто запрещает гей-парады и отрицательно относится к гомосексуализму? При взятии за основу признаков Эко фашистским окажется вообще большинство человечества. Непонятно также, как быть с Э. Ремом – одним из основоположников национал-социализма и одновременно гомосексуала. Не ясно также, как быть со статьёй М. Горького 1934 г. «Пролетарский гуманизм», в которой советский писатель, в отличие от Эко, осуждал гомосексуальность фашизма [18].

Существует точка зрения о некорректности смешения фашизма и нацизма. Фашизм, указывают сторонники этого взгляда, имел место в Италии, а нацизм – в Германии. Более того, исторически между ними могло произойти столкновение. Интересы Германии и Италии разошлись по вопросу контроля над Австрией. Б. Муссолини в ожидании германского вторжения даже подвёл войска к австрийской границе. В период 1933–1938 гг. идеологией Австрийского государства был австрофашизм, а внешнеполитическим ориентиром являлась ориентация на Италию. Деятельность НСДАП находилась под запретом. Нацисты в итоге взяли верх над фашистами, а Гитлер фактически подчинил себе Муссолини. Но до этого прошло время, за которое могли быть выстроены и иные сценарии.

Да, фашизм в итальянской версии и нацизм – в германской, безусловно, не

одно и то же. Но могут ли они быть объединены как виды одного явления? Признание того, что могут, задаёт широкую трактовку фашизма, отрицание возможности такого объединения – узкую. Широкий подход применялся в СССР. Великая Отечественная война раскрывалась в пропаганде и самосознании народа как война с фашизмом. Противники в войне были именно фашисты («фашистские гады»). Преимущество расширенного подхода состоит в возможности осмысления рассматриваемого явления как фундаментального, что само по себе не отрицает наличия множественности модификаций (в т. ч. германского фашизма в виде нацизма). Преимущество же узкого подхода состоит в акцентировке на этнической и расовой стороне расизма, отделяемого от фашизма.

Обнаруживается 7 ключевых подходов в раскрытии понятия фашизм.

Первый подход состоит во взгляде на фашизм как на идеологию и вытекающую из неё практику антропологического неравенства. Одним из вариантов антропологического неравенства является неравенство по расовым и национальным критериям. Концептуально такой вид фашизма чаще всего опирается на полигенизм: представление о происхождении рас как разных биологических видов и вытекающей из него расовой иерархии. Наряду с идеологией расового и этнического неравенства могут быть и иные варианты доктрины антропологического превосходства. К примеру, в настоящее время всё более распространяется идеология выстраивания иерархии цивилизаций. Низшие и высшие антропологические типы распределяются не столько по расовой принадлежности, сколько по принадлежности цивилизационной. Наверху пирамиды оказывается цивилизация Запада. Принадлежность к российской цивилизации, равно как и к исламской, означает культурный остракизм.

Идея иерархии цивилизаций взята в качестве одного из оснований в выстраивании механизмов «культуры отмены». В предлагаемой трактовке фашизма *культура отмены* должна быть определена как фашистская практика. К фашизму, в одном из вариантов, должны быть отнесены и все *идеи избранности одних людей и отверженности других* (в т. ч. идеи богоизбранности). С фашизмом оказывается тесно сопряжена и эзотерика. Суть эзотеризма также часто сводится к антропологической иерархии (пневматики – психики – гилики) [6; 7].

Другой подход к фашизму – *классовый*, развиваемый преимущественно в марксистском дискурсе. Сообразно с этим подходом, фашизм есть политическая надстройка в виде *диктатуры капитала* в условиях экстремизации капитализма (фашизм как крайняя форма капитализма) [15; 41]. В соответствии с этим подходом давалось и определение Советским энциклопедическим словарём: «Фашизм – политическое течение, возникшее в капиталистических странах в период общего кризиса капитализма и выражающее интересы наиболее реакционных и агрессивных кругов империалистической буржуазии. Фашизм у власти – открыто террористическая диктатура наиболее реакционных сил монополистического капитала. Важнейшие черты фашизма: применение крайних форм насилия против рабочего класса и всех трудящихся, воинствующий антикоммунизм, шовинизм, расизм, широкое использование государственно-монополистических методов регулирования экономики, политическая (часто лжесоциалистическая) демагогия с целью создания массовой базы (главным образом за счёт мелкой буржуазии) для фашистских партий и организаций. Внешняя политика фашизма – политика империалистических захватов¹». Как порождение капитализма

¹ Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1987. 1600 с. С. 1404.

фашизм противостоял социализму, а как диктатура – либерализму.

На насилии, диктаторстве, акцентировали внимание в определении фашизма и многие либеральные авторы, при этом отрывая насильственность от капитализма. В понимании йельского профессора Х. Линца фашизм и вовсе представлял как *антикапиталистическое и антибуржуазное явление*. Наряду с трактовкой фашизма как правоконсервативного революционаризма (А. А. Галкин) [12], широкое распространение имеет позиция, указывающая, что фашизм был антиконсерватизмом (Э. Нольте [35], Р. Гриффин [19], Р. Пакстон [69]).

Третий подход к фашизму раскрывает его *через явление ксенофобии*. Х. Арендт видела, например, в фашизме высвобождение дремлющей в обществе ненависти к врагу внешнему или внутреннему [2]. Фашизм концептуализирует ксенофобию и выносит её уровень государственной политики. Чаще всего, по опыту исторического фашизма, говорят об антисемитизме. Сведения в этой версии фашизма к антисемитизму, к трагедии Холокоста, безусловно, сужает тему. Очевидно, что ксенофобия, а соответственно и фашизм могут иметь разные мишени жертв.

Германский расизм – наиболее яркая иллюстрация в раскрытии соответствующего подхода трактовки фашизма. Итальянский фашизм на первом этапе, до 1937 г., дистанцировался от антисемитизма. Муссолини даже изобличал антисемитизм как «германское зло», утверждая, что в стране с правильной системой государственного управления он невозможен. Но далее Италия всё более сдвигалась к нацизму, став соучастником Холокоста.

Итальянский фашизм стал на последнем этапе фактически подобен германскому. Однако важно зафиксировать, что это случилось не сразу. Отсутствием явных ксенофобских установок на начальной стадии и объясняется сравнительно высокая популярность Муссолини в ин-

теллектуальных кругах мира. Гитлер такой популярностью исходно не обладал [17].

Четвёртый подход к фашизму связан с рассмотрением его как *идеологии контрмодерна*. В этой версии он был попыткой разворота истории. Сам Гитлер высказывался в том смысле, что ведёт борьбу против идеалов Французской революции. Социализм и капитализм были в этом видении двумя головами одного явления, названного позже как модерн. *Апелляцию к традиции* называл У. Эко первым из 14 признаков фашизма [63]. С традиционализма в определении фашизма начинал и немецкий историк В. Випперман [11]. Правда, вторым пунктом она называл национализм, который, как казалось, с традиционализмом несочетаем и являлся сам порождением модерна.

Развитие представляемого подхода содержит опасность дискредитации любой традиции и традиционных ценностей. Любая констатация того, что мир идёт в ложном направлении, может быть маркирована как фашизм. Не исключено, что именно поэтому фашизм и был подверстан к контрмодерну.

В действительности различия между фашистской системой и системой европейского средневековья были разительными. Фашизм опирался на концепт нации и национального государства, который в середине века отсутствовал. Средневековая система была системой теократической, и роль Церкви в ней являлась центральной. Отношение же фашизма к христианству было, как минимум, достаточно наряжённым. Фашизм был нациецентричен, либерализм – индивидуумоцентричен, социализм – классовоцентричен, тогда как средневековый фундаментализм – теоцентричен. Различия очевидны.

Другое дело – апелляция фашизма не к домодерну средневековому, а к домодерну дохристианскому, языческому. Экспансионистские планы фашизма трактовались как языческий империализм.

Расовая доктрина восходила к племенному (принцип крови) делению на своих и чужих. Арманизм, вотанизм, ирминизм – все эти варианты германского неоязычества определяли доминирующий дискурс периода нацизма. Проект «Ананербе» («Наследие предков») был ориентирован именно на реконструкцию германского языческого мира с задачей преломления полученных результатов в практическую политику. Нацистская символика формировалась на основе древнегерманского рунического письма. Образ Зигфрида становится персонифицированным символом Германии вместо христианских святых. Выступления самого А. Гитлера целиком ложились, осознанно или нет, на архетипы шаманских камланий. «Антихрист. Проклятие христианству» Ф. Ницше стал культовой книгой для нацистской идеологии фигуры. В ней немецкий философ называл христианство «великим проклятием», «великой внутренней порчей», «позорным пятном человечества...» [34]. И эта позиция официально насаждалась. Даже от имперского понятия «Третий Рейх» в Германии в 1939 г. отказались, усмотрев его «слишком христиански нагруженным». Сущностно фашизм стал попыткой языческого реванша, возвращения к парадигме мира до пришествия в него Христа [9; 10; 20; 53].

Пятая трактовка фашизма опирается на *доктрину корпоративного государства* Б. Муссолини. В этой версии фашизм есть корпоративизм. К признакам фашизма корпоративизм относили В. Випперман, С. Пэйн, Х. Линц и др. [11; 67; 70; 71]. У Муссолини модель корпоративного государства выстраивалась через систему профессиональных корпораций. Достаточно акцентированно идеи профессионального корпоративизма развивались в Испании под руководством Ф. Франко и особенно в Португалии под руководством А. ди Салазара [58]. Первооснову общества при корпоративизме составляют не индивидуумы, а отдельные социальные группы.

Концепцию корпоративизма в Италии в действительности выдвинул первым не Муссолини, а римский папа Лев XIII ещё в 1891 г. Корпоративизм должен был стать альтернативой индивидуализму и теории классовой борьбы. Позже, уже у папы Пия XI, корпоративизм рассматривался как альтернатива противопоставления профсоюзов и работодателей¹.

Подвёрстывание корпоративизма в качестве базовой характеристики фашизма нивелирует собственно специфику фашистских режимов. Из корпоративизма никаким образом не следует человеконенавистническая сущность фашизма. Распределение по профессиональным корпорациям само по себе не предполагает ни войны, ни газовых камер. Если считать корпоративизм ключевой характеристикой фашизма, тогда бы следовало записать в фашистские едва ли не все древние и средневековые общества. Чем не фашистским являлось, например, древнеиндийское общество с его жёстким кастовым делением? И почему не фашистской являлась цеховая структура средневековых европейских городов? Фокус на индивидууме возник в мире вообще достаточно поздно. И следование логике «фашизм = корпоративизм» должно было бы привести к абсурдному заключению, что в фашистском фарватере развивалась преобладающая часть истории человечества.

Шестой подход к фашизму получил развитие в контексте холодной войны. Адресно он был направлен не столько против фашизма, сколько против коммунистической идеологии. Задача состояла в дискредитации коммунизма через приравнение его к фашизму. Такое приравнение стало возможным посредством продвижения концепции тоталитарного государства [22; 27; 31; 32].

¹ Pius XI. Quadragesimo Anno. Vatican, May 15, 1931. URL: https://www.vatican.va/content/pius-xi/en/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_19310515_quadragesimo-anno.html (дата обращения: 03.02.2024).

Вместо понятия «тоталитаризм» В. Випперман и С. Пэйн использовали понятие «этатизм» [11; 71]. Этатизм подразумевал огосударствление всех сторон жизни и право государства на вмешательство в любую из сфер. Ориентир усиления роли государства действительно присутствовал в фашизме. Но при этом, например, сохранялся институт частной собственности. Следовательно, сохранялись определённые ограничители этатизации.

Вызывает вопросы и одновременное использование понятий «тоталитаризм» и «авторитаризм» в отношении фашистских режимов [64]. Тоталитарное и авторитарное государство – это очевидно не одно и то же. Одновременное использование обоих маркеров ещё раз подтверждает, что язык вражды фактически подменяет научные определения.

Седьмой подход, наконец, представляет собой *узкий вариант трактовки фашизма*, сводимый исключительно к Италии времени Б. Муссолини. Речь идёт в данном случае не о понятии фашизма, а о тождестве определённого исторического периода [72]. Сообразно с позитивистской методологией отрицания концептуальных обобщений именно такой подход и был бы правилен. Фашизм этимологически уходит в историю Древнего Рима и генезисно был связан с итальянским контекстом. Итальянский контекст определил также и генезис теории элит, воспринимаемой сегодня в качестве мировой классики. И В. Парето, и Г. Моска были итальянцами, а бельгиец Р. Михельс принял итальянское гражданство и умер в 1936 г. в Риме. Теория элит была тесно сопряжена с идеологией фашизма, а её основоположники – Моска и Михельс – были близки к фашистскому руководству [4]. Но это, впрочем, не препятствует широкому политологическому использованию теории элит, как и самого идеологически неоднозначного понятия «элиты» сегодня.

Однако узкий подход мало что даёт для осмысления феномена фашизма и предупреждений его реанимации. Если в фашизме есть лишь то, что было в Италии при Муссолини, то, значит, нет никаких оснований ни говорить об угрозах новой фашизации, ни даже о борьбе человечества с фашизмом в XX в. как глобальном вызове.

Генезисные основания нацизма

Нацизм в своём генезисе может иметь различные причинные основания и катализаторы. Чтобы блокировать генерацию нацизма сегодня и в будущем, надо понимать спектр всех порождающих его оснований.

Проекты элит. Нацизм часто оказывается проектируемым феноменом. Фактор проектируемости с очевидностью обнаруживается в генезисе германского нацизма. Гитлера вели к власти. Нацизм был нужен германским элитам для вывода страны из кризиса, победы над конкурентами (прежде всего, еврейским капиталом) и подавления надвигающейся революции. Для мировых элит приход Гитлера к власти был необходим для раскрутки военной темы как средства выхода из «великой депрессии» и в качестве кулака для нанесения удара по СССР [51].

Проектировался нацизм и на постсоветском пространстве. Опора на нацистские силы обеспечивала легитимизацию этнократических режимов. Большим проектом являлось возвращение украинского нацизма [5].

Психологические установки «Я – Мы – Они». Глубинно нацизм восходит к дифференциации идентичностей по дуальному принципу «мы – они». «Другие» в этой дифференциации оказываются синонимичны врагам. В древних мифологических стереотипах другие были не просто иными народами, а «не-людьми». Общность людей ограничивалась группой «своих». Происхождение таких установок объясняется длительностью замкнутого локального существования. Приход

«чужих» после столетий замкнутости не мог не быть потрясением. Пограничное сосуществование народов-антагонистов создавало соответствующую систему мифологии [39].

Стереотипы дуального восприятия сохранялись в национальном сознании. Периодически вследствие различного рода потрясений они сублимировались, прорывались из бессознательного в сферу идеологического дискурса [46].

Страх «чужого». Понятие «ксенофобия» буквально переводится как «страх чужого». Страх далее переходит в ненависть в отношении того, что его вызывает. Чужое действительно вызывает ощущение угрозы, возрастающей опасности. Этот эффект укоренён глубоко в социальной психологии и относится к сфере бессознательного. Чувство страха вызывает дискомфорт. Человек или группа людей, испытывая страх перед чем-либо, будут пытаться от него избавиться. Чтобы избавиться от страха перед чужаком, нужно ликвидировать чужака, что и есть фактически рецептура нацизма [21; 23, с. 104–122].

Сценарий кровной мести. «Кровная месть», воспроизводясь поколенчески, формирует в сознании соответствующих общностей устойчивый образ врага. На каком-то этапе мотив мести оформляется и закрепляется посредством идеологии нацизма.

Переход мотива кровной мести в нацизм не обязательно требует многопоколенной вражды. Катализатором может послужить и одно убийство «своего» «чужаками». Прецеденты такого рода достаточно распространены в генезисе межэтнических конфликтов. Бытовая ссора может закончиться применением насилия и убийством – случаев такого рода, к сожалению, огромное количество в любой стране мира. Совершённое преступление может быть интерпретировано в качестве убийства «чужаками» представителя автохтонного сообщества, т. е. переведено из разряда индивидуального

конфликта в групповой. Вероятный итог – этническая война и нацификация [33].

Комплекс неполноценности (компенсаторика). Тезис, сообразно с которым в основании германского нацизма лежал комплекс национальной неполноценности, имеет широкую литературу, находящуюся на пересечении истории и социальной психологии. Проигранная Первая мировая война, унижение Версальского мира приводили к стремлению самоутверждения. Социальные обвалы периода мирового кризиса, депрессивное состояние Веймарской республики продуцировали индивидуальные комплексы неполноценности у значительных групп населения. Нацизм оказывался способом компенсации: подавления комплекса посредством принятия мифа о собственном величии. Собственное величие достигалось через унижение «другого» [25; 42].

Идеология превосходства и неравенства. Идеи могут оформлять уже существующие в обществе настроения, а могут и сами являться факторами их порождения. Безусловную факторную роль в генезисе германского нацизма сыграли идеи антропологического превосходства немцев. Основу их составлял расизм, в фокусе которого находился миф о нордической расе. Расизм претендовал на подлинную научность. При этом классические науки трактовались как целевое искажение реальности и профанизация. Иногда подлинные знания отыскивались в эзотерике. Апелляции к эзотерике были тем проще, что снимали неудобные вопросы об источниках. У «тайных знаний» источники должны были быть только «тайные», а, следовательно, классическая система доказательности уже оказывается не нужна.

Расистские теории исторически генерировались почти у каждого народа. Видными фигурами в формировании расистских теорий выступили: во Франции – Ж. А. де Гобино и Ж. В. де Лапуж, в Германии – Г. Гюнтер и Ф. Ленц, в Великобритании – Ф. Гальтон (двоюрод-

ный брат Ч. Дарвина) и Х. Чемберлен, в США – М. Грант, в Италии – Д. Серджи, в Швеции – А. Ретциус, в Польше – Л. Крживицкий (удивительным образом соединявший расизм с марксизмом), на Украине – Д. Донцов и т. д. [28; 38; 52].

Изменения этнодемографической структуры общества. Ни одно общество ни является этнически гомогенным. Почти в каждом из них существуют определённые, исторически установившиеся, пропорции этнического представительства. Имеется, как правило, хотя и не всегда, этническое большинство, на основе которого выстраивается культурный фундамент соответствующего сообщества, его репрезентация. Однако демографические процессы осуществляются неравномерно. С течением времени соотношения этнических представительства может изменяться. С этими изменениями оказываются сопряжены угрозы – реальные или мнимые – для культурного ядра социума [48]. Возникает конфликт между сторонниками старого культурного ядра и сторонниками претендующей на перераспределение отношений доминирования прежде периферийной этничности. Сложившаяся ситуация особо благоприятна для генерирования нацистской идеологии.

Экономическая конкуренция. Ресурсы, которыми обладает человечество и отдельные страны, ограничены. Ввиду ограниченности ресурсов имеет место конкурентная борьба, зачастую перерастающая в войны. С экономической точки зрения, борьба за ресурсы и является главным фактором военных конфликтов в мире. Конкурентная борьба при капитализме предопределяет движение в сторону нацизма. Логика сдвига вправо была показана ещё в начале XX в. Дж. Гобсоном и В. И. Лениным, а потом – и И. В. Сталиным. Империализм в свою очередь порождает фашизм и нацизм. Национальный капитал выдвигает идеологию нацизма для мобилизации «своих» против капитала иностранных капиталов.

Те, в свою очередь, продуцируют свои нацизмы. Помимо борьбы с внешними конкурентами нацизм выполняет функцию замещения классовых противоречий национальными [74].

Развитие нацизма может подтолкнуть и экономическая конкуренция этнических группировок внутри страны. Трудовая миграция предполагает занятие мигрантами определённых ниш национальной экономики. Если экономика при этом не находится в фазе роста, это означает лишение рабочих мест автохтонного населения. Мигранты трудоустраиваются за низкую плату, снижая тем самым общий зарплатный уровень в стране. Мигрантофобия логически перерастает в нацизм. С другой стороны, консолидация мигрантов в борьбе за ресурсы приводит к генерированию нацизма аллохтонов.

Перераспределение контроля за ресурсами, перераспределение властного представительства. Этнизация любой из сфер государственной и общественной жизни содержит риски роста этнической напряжённости. Особенно опасным является ситуация этнической монополизации властных ресурсов. Не случайно сталинская национальная политика выстраивалась на установке недопущения этнокланов во власти в союзных и автономных республиках. Последующая коренизация кадров в республиках и автономиях привела фактически к формированию режимов автократий, что далее привело к распространению практики дискриминации по этническому признаку [55].

Перераспределение ресурсов в пользу определённой этнической группы, в т. ч. связанных с элитогенезом, включая властные ресурсы, может стать побудительным мотивом распространения нацистских идей. Причём они могут генерироваться как снизу, так и сверху. Генерация снизу может быть связана с позицией о недопустимости захвата власти национальными меньшинствами. Нацизм сверху может напротив исходить

из представления о превосходстве элиты над массами, как представительстве другого народа [37].

Война, образ врага. Война предполагает и предполагала во все времена работу системы пропаганды. Одна из главных её задач – дискредитация врага, раскрытие его коварства, жестокости, вероломства, аморальности. Враг часто демонизируется, представляется монстром, наделяется зооморфными чертами. Перенос соответствующих черт на народы-противники в войне уже фактически есть визуализация нацизма. Плакатное искусство и карикатуры периода крупных войн показывают многочисленные примеры такого рода демонизации, фактически художественного расчеловечивания. Противник переставал быть человеком. А соответственно, его можно было убить, и убийство являлось оправданным и целесообразным [49].

«Удар в спину». Проигранные войны и неудачи всегда болезненно воспринимаются населением проигравшего государства. Поражение вызывает диссонанс с мифом о национальном величии. Следствием его может стать национальное самоуничтожение. При особо тяжёлых его формах народ может быть доведён до государственной и цивилизационной самоликвидации. Другим вариантом снятия диссонанса является выдвижение концепта об «ударе в спину». Поражение в этом случае объясняется действием «пятой колонны», ставшей пособником внешнему врагу. И этот внутренний враг, нанёсший удар в спину воюющей армии, оказывается представлен в качестве главного виновника катастрофы. Часто представления об «ударе в спину» имели характер «чёрного мифа», но имелись и реальные исторические прецеденты использования противников тех или иных сил внутри социума. Одним из вариантов определения внутреннего врага является его этническая идентификация [3].

Национальное унижение, реваншизм. Национальное унижение страны, про-

игравшей в войне, является прологом новых войн. Победители почивают на лаврах, проигравшие готовятся взять реванш. Реваншистские настроения поддерживаются чувством ненависти к победителям [60].

Идеи реванша циркулируют сегодня в национальном дискурсе многих государств. Технологически канализировать реваншизм в нацизм при наличии соответствующего концептуального выражения не представляет большой проблемы.

«Осквернение символов». Любое общество имеет идентичную для себя систему символов, определяемую Ю. М. Лотманом понятием «семиосфера» [30]. Американский историк Р. Уортман писал в применении к истории Российской империи о национальных ритуалах [56]. Разрушение или осквернение национального ритуала, подрыв национальной семиосферы есть кощунство. В случаях, если в этих кощунственных действиях оказываются замешаны инородцы, то произошедшее оценивается как ритуальное преступление. При идентификации инородцев как ритуальных преступников создаётся ещё одна сценарная перспектива генезиса нацизма.

Заключение

Проведённое рассмотрение позволяет выдвинуть сомнение в целесообразности опоры в государственном и социальном строительстве на понятие «нация». Феномен нации сложился в специфических условиях развития Западной цивилизации, и попытки переноса его в иноцивилизационные среды вызвали, как правило, деструктивные последствия. Российская государственность исторически выстраивалась не как государство-нация, а в качестве государства-цивилизации. И, соответственно, весь инструментарий и концептуальные производные от государства-нации в их применении к России должны быть пересмотрены.

Модель государства-нации в логике своего развития породила феномен эт-

нократий и нацизма. Обнаруживается историческая связанность национализма с его экстремизированным следствием в виде нацизма. Модель государства-цивилизации снимает соответствующие угрозы нацификации, которые потенциально заложены в государстве-нации.

Советский Союз одержал Победу в войне с фашизмом. И это опорное представление российского цивилизационного самосознания. Соответственно, целесообразно использовать широкую трактовку понятия «фашизм», которое в то же время соотносилось бы и с феноменом нацизма. В этом соотношении под

фашизмом было бы правильно понимать идеологию и вытекающую из неё политическую практику антропологического превосходства и неравенства. Нацизм, соответственно, следует в этой логике понимать как один из видов фашизма, связанный с расовым и этническим превосходством, воплощаемым в нации. Идеология нацизма является наиболее радикальной в критериях человеконенавистничества версией фашизма. Против этой идеологии и ведёт в настоящее время борьбу Россия на Украине.

Дата поступления в редакцию 10.02.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой и др. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Артамошин С. В. Образ врага в нацистской идеологии веймарского периода // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 8. С. 225–231.
4. Ашин Г. К. Современные теории элиты: Критический очерк. М.: Международные отношения, 1985. 256 с.
5. Багдасарян В. Э. Украинский нацизм. Исторические истоки. М.: Наше завтра, 2023. 528 с.
6. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Превосходство, присвоение, неравенство. М.: Научный эксперт, 2013. 304 с.
7. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Современный фашизм: новые облики и проявления. М.: Наука и политика, 2017. 328 с.
8. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / пер. с нем. М. С. Панина. М.: Ленанд, 2015. 598 с.
9. Васильченко А. В. Аненербе. «Наследие предков» без мифов и тайн. М.: Рипол-классик, 2005. 432 с.
10. Васильченко А. В. Окультизм миф III рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. 624 с.
11. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении 1922–1982 / пер. с нем. А. И. Федорова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 229 с.
12. Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1989. 352 с.
13. Гапоненко А. Европейский фашизм: проблемы идентификации и предупреждения. М.: Книжный мир, 2021. 704 с.
14. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
15. Генри Э. Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями / пер. с англ. Р. Ихок. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 267 с.
16. Гирц К. Интерпретация культуры / пер. Е. М. Лазаревой и др. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
17. Голдберг Дж. Либеральный фашизм / под ред. И. Е. Федосова. М.: Рид Групп, 2012. 512 с.
18. Горький М. Пролетарский гуманизм [Электронный ресурс]. <https://e.lanbook.com/book/38271> (дата обращения: 15.04.2024).
19. Гриффин Р. Современное состояние и будущие направления сравнительных исследований исторического фашизма и неонацизма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2011. № 2. С. 257–277.
20. Гудрик-Кларк Н. Окультизм корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию: Ариософы Австрии и Германии, 1890–1935. М.: Эксмо, 2004. 576 с.

21. Гурина О. Д. Психологические особенности формирования ксенофобских установок [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Т. 1. № 4. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n4/49301 (дата обращения: 15.04.2024).
22. Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство / пер. с болг. М.: Новости, 1991. 336 с.
23. Залесский К. Фашизм CF нацизм. М.: Наше завтра, 2024. 400 с.
24. Каутский К. Национальные проблемы. М.: URSS. 2021. 184 с.
25. Кон Н. Благословение на геноцид: Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов» / пер. с англ. С. С. Бычкова. М.: Прогресс, 1990. 247 с.
26. Кривушин И. В. Сто дней во власти безумия: Руандийский геноцид 1994 г. М.: ИД Высшей школы экономики, 2015. 528 с.
27. Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1991. 485 с.
28. Лепетухин Н. В. Теории расизма в общественно-политической жизни Западной Европы второй половины XIX – начала XX веков: Ж.-А. Гобино, Г. Лебон, Х.-С. Чемберлен. Иваново: Прес-Сто, 2013. 148 с.
29. Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1914. 507 с.
30. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. 704 с.
31. Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 48–57.
32. Мазуров И. Фашизм как форма тоталитаризма // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 39–51.
33. Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 736 с.
34. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству / пер. В. А. Флерова. М.: Фолио, 2009. 191 с.
35. Нольте Э. Фашизм в его эпоху. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.
36. Поддубный Н. В., Трунов А. А. Реформация и хилиазм (идейные истоки современности) // Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. С. 5–20.
37. Поздняков А. Н. Миграция и этническая преступность: причинно-следственные связи. М.: Проспект, 2019. 224 с.
38. Поляков Л. В. Арийский миф. Исследование истоков расизма. СПб.: Евразия, 1996. 360 с.
39. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: ФЭРИ-В, 2006. 640 с.
40. Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола: 1555–1648. СПб: Гуманитарная академия, 2002. 384 с.
41. Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М. Наука, 1989. 583 с.
42. Райх В. Психология масс и фашизм / пер. Ю. М. Донц. СПб.: Университетская книга., 1997. 380 с.
43. Рапп Ф. Священная Римская империя германской нации / пер. с фр. М. В. Ковальковой. СПб.: Евразия, 2009. 427 с.
44. Рахшмир П. Ю. Новейшие концепции фашизма в буржуазной историографии Запада. М.: Наука, 1979. 50 с.
45. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101.
46. Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19.
47. Ретинский С. Г. Марксистская концепция становления наций и национальных государств: по материалам работ Ф. Энгельса // Культура и цивилизация. 2022. № 2. С. 73–80.
48. Рудакова Е. К. Демографические процессы в Европе: динамика и причины депопуляции // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 227–233.
49. Сенявская Е. С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140–156.
50. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1946. С. 290–367.
51. Сталиков Н. В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. М.: Питер, 2018. 368 с.
52. Тагиефф П.-А. Цвет и кровь. Французские теории расизма / пер. с фр. А. А. Славохотова. М.: Ладомир, 2009. 240 с.

53. Телицын В. Л. Проект «Аненербе». Наследие предков и Третий рейх. М.: АСТ, 2001. 432 с.
54. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 542 с.
55. Тощенко Ж. Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОС-СПЭН, 2003. 432 с.
56. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. 606 с.
57. Филатов А. Вестфальская система как мифологема // Национальные интересы. Журнал Института национальной стратегии реформ. 2008. №1. С. 139–157.
58. Хазанов А. М. Салазар: 40 лет диктатуры в Португалии // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 129–146.
59. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М.: АСТ, 2006. 603 с.
60. Харитонов Ю. Т. Реваншисты. М.: Прогресс, 1987. 238 с.
61. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
62. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
63. Эко У. Пять эссе на темы этики / пер. с итал. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2000. 157 с.
64. Эрме Г. Авторитаризм // Политология вчера и сегодня. 1991. Вып. 3. С. 181–206.
65. Glazer N., Moynihan D. P. Beyond the Melting Pot. MIT Press, 1970. 364 p.
66. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, Cambridge, 2000. 320 p.
67. Linz J. Some notes toward a comparative study of fascism in sociological historical perspective // Fascism: A Reader's Guide / W. Laqueur, ed. Berkeley: University of California Press, 1976. 121 p.
68. Moynihan D. P. Pandaemonium: Ethnicity in International Politics. Oxford: University Press, 1993. 238 p.
69. Paxton R. The Anatomy of Fascism. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2004. 321 p.
70. Payne S. G. A History of Fascism, 1914–1945. Madison: University of Wisconsin Press, 1995. 592 p.
71. Payne S. G. Fascism: Comparison and Definition. Madison: University of Wisconsin Press, 1980. 242 p.
72. Sarti R. The Ax Within: Italian Fascism in Action. New York: New Viewpoints, 1974. 278 p.
73. Smith A. D. Nationalism and modernism: a critical survey of recent theories of nations A. Nationalism. L.; N. Y.: Routledge, 1998. XIV. 270 p.
74. Winslow E. Marxian, Liberal, and Sociological Theories of Imperialism // Journal of Political Economy. 1931. № 39. P. 713–758.

REFERENCES

1. Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism* (Rus. ed.: Nikolaeva V. G., trans. *Voobrazhayemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 416 p.)
2. Arendt H. *Origins of totalitarianism* (Rus. ed.: Borisova I. V., transl. Moscow, TsentrKom Publ., 1996. 672 p.
3. Artamoshin S. V. [The enemy image in Nazi ideology of the Weimar period]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2008, no. 8, pp. 225–231.
4. Ashin G. K. *Sovremennyye idei elity: Kriticheskiy ocherk* [Modern theories of the elite: A critical essay]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1985. 256 p.
5. Bagdasaryan V. E. *Ukrainskiy natsizm. Istoricheskiye istoki* [Ukrainian Nazism. Historical origins]. Moscow, Nashe zavtra Publ., 2023. 528 p.
6. Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. [Superiority, appropriation, inequality]. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2013. 304 p.
7. Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. *Sovremennyy fashizm: novyye obliki i proyavleniya* [Modern fascism: new faces and manifestations]. Moscow, Nauka i politika Publ., 2017. 328 p.
8. Bauer O. *The national question and social democracy* (Rus. ed.: Panin M. S., trans. *Natsionalnyy vopros i sotsial-demokratiya*. Moscow, Lenand Publ., 2015. 598 p.
9. Vasilchenko A. V. *Anenerbe. «Naslediyе predkov» bez mifov i tayn* [Ahnenenerbe. “The Heritage of Ancestors” without myths and secrets]. Moscow, Ripol-classic Publ., 2005. 432 p.

10. Vasilchenko A. V. *Okkultnyy mif III reykh* [Occult myth of the Third Reich]. Moscow, Yauza-press Publ., 2008. 624 p.
11. Wippermann W. *Der europäische Faschismus im Vergleich 1922–1982* (Rus. ed.: Fedorov A. I., transl. *Yevropeyskiy fashizm v glazakh 1922–1982*. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 2000. 229 p.)
12. Galkin A. A. *Germanskiy fashizm* [German fascism]. Moscow, 1989. 352 p.
13. Gaponenko A. *Yevropeyskiy fashizm: problemy vyyavleniya i uvazheniya* [European fascism: problems of identification and prevention]. Moscow, Knizhnyy mir Publ., 2021. 704 p.
14. Gellner E. *Nations and nationalism* (Rus. ed.: Berdikov T. V., Tyunkina M. K., transl. Moscow, Progress Publ., 1991. 320 p.)
15. Henry E. *Hitler against the USSR. The coming battle between fascist and socialist armies* (Rus. ed.: Ihok R., transl. Moscow, Gosudarstvennoye sotsialno-ekonomicheskoye izd-vo Publ., 1938. 267 p.)
16. Geertz K. *Interpretation of cultures* (Rus. ed.: Lazareva E. M., transl. *Interpretatsiya kultury*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 560 p.)
17. Goldberg J. *Liberal fascism* (Rus. ed.: Fedosova I. E., ed. *Liberalnyy fashizm*. Moscow, Rid Grupp, 2012. 512 p.)
18. Gorky M. *Proletarskiy gumanizm* [Proletarian humanism]. Abstract at: URL: <https://e.lanbook.com/book/38271> (accessed: 15.04.2024).
19. Griffin R. [Current state and future directions of comparative studies of historical fascism and neo-fascism]. In: *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kultury* [Forum of Contemporary Eastern European History and Culture], 2011, no. 2, pp. 257–277
20. Goodrick-Clark N. *Okkultnyye korni natsizma. Taynyye ariyskiye kul'ty i ikh vliyaniye na natsistskuyu ideologiyu: Ariosofy Avstrii i Germanii, 1890–1935* [Occult roots of Nazism. Secret Aryan Cults and Their Influence on Nazi Ideology: Ariosophists of Austria and Germany, 1890–1935]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 576 p.
21. Gurina O. D. [Psychological characteristics of the formation of xenophobic attitudes]. In: *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2011, vol. 1, no. 4. Abstract at: URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n4/49301 (accessed: 15.04.2024).
22. Zhelev Zh. *Fascism. Totalitarian state* (Rus. ed.: *Totalitarnoye gosudarstvo*. Moscow, Novosti, 1991. 336 p.)
23. Zalesky K. *Fashizm CF natsizm* [Fascism CF Nazism]. Moscow, Nashe zavtra Publ., 2024. 400 p.
24. Kautsky K. *Natsionalnyye problemy* [National problems]. Moscow, URSS Publ., 2021. 184 p.
25. Kon N. *Blessing for genocide: The myth of the worldwide conspiracy of the Jews and the "Protocols of the Elders of Zion"* (Rus. ed.: Bychkova S. S., transl. Moscow, Progress Publ., 1990. 247 p.)
26. Krivushin I. V. *Sto dney vo vlasti bezumiya: Ruandiyskiy genotsid 1994 g.* [One hundred days in the grip of madness: the Rwandan genocide of 1994]. Moscow, ID Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2015. 528 p.
27. Lacker U. *Rossiya i Germaniya. Nastavniki Gitlera* [Russia and Germany. Hitler's mentors]. Washington, Problems of Eastern Europe, 1991. 485 p.
28. Lepetukhin N. V. *Teorii razizma v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Afriki vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: Zh.-A. Gobino, G. Lebon, Kh.-S. Chamberlen* [Theories of racism in the socio-political life of Western Europe in the second half of the 19th – early 20th centuries: J.-A. Gobineau, G. Le Bon, H.-S. Chamberlain]. Ivanovo, PresSto Publ., 2013. 148 p.
29. Lozinsky S. G. *Istoriya invizitsii v Ispanii* [History of the Inquisition in Spain]. St. Petersburg, Brockhaus-Efron Publ., 1914. 507 p.
30. Lotman Yu. M. *Semiosfera: Kultura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov* [Semiosphere: Culture and Explosion. Inside thinking worlds]. St. Petersburg, Art-SPB Publ., 2010. 704 p.
31. Lux L. [Bolshevism, fascism, national socialism – related phenomena?]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1998, no. 7, pp. 48–57.
32. Mazurov I. [Fascism as a form of totalitarianism]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity], 1993, no. 5, pp. 39–51
33. Maltsev G. V. *Mesto i vozmezdiye v drevnem prave* [Revenge and retribution in ancient law]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2012. 736 p.
34. Nietzsche F. *Antichrist. A curse on Christianity* (Rus. ed.: Flerov V. A., transl. *Antikhrisť. Proklyatiye khristianstva*. Moscow, Folio Publ., 2009. 191 p.)

35. Nolte E. *Fashizm v yego epokhu* [Fascism in its era]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2001. 568 p.
36. Poddubny N. V., Trunov A. A. [Reformation and chiliarism (ideological origins of modernity)]. In: *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history], 2015, no. 1, pp. 5–20.
37. Pozdnyakov A. N. *Migratsiya i etnicheskaya prestupnost': prichinno-sledstvennyye svyazi* [Migration and ethnic crime: cause-and-effect relationships]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 224 p.
38. Polyakov L. V. *Ariyskiy mif. Issledovaniye istokov rasizma* [Aryan myth. Exploring the origins of racism]. St. Petersburg, Evrasia Publ., 1996. 360 p.
39. Porshnev B. F. *O nachale istorii (problemy paleopsikhologii)* [About the beginning of human history (problems of paleopsychology)]. Moscow, FERI-V Publ., 2006. 640 p.
40. Prokopyev A. Yu. *Germaniya v epokhu religioznogo raskola: 1555–1648 gg.* [Germany in the era of religious schism: 1555–1648]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2002. 384 p.
41. Projector D. M. *Fashizm: put agressii i put* [Fascism: the path of aggression and death]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 583 p.
42. Reich V. *Psychology of the masses and fascism* (Rus. ed.: Donts Yu. M., transl. *Psikhologiya massy i fashizma*). St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1997. 380 p.
43. Rapp F. *The Holy Roman Empire of the German Nation* (Rus. ed.: Kovalkova M. V., transl. *Svyashchennaya Rimskaya imperiya germanskoy natsii*). St. Petersburg, Evrasia Publ., 2009. 427 p.)
44. Rakhshmir P. Yu. *Noveyshiye kontseptsii fashizma v burzhuaznoy istoriografii Zapada* [The latest concepts of fascism in bourgeois historiography of the West]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 50 p.
45. Renan E. [What is a nation?]. In: Renan E. *Sobraniye sochineniy. T. 6* [Collected Works. Vol. 6.] Kyiv, 1902, pp. 87–101.
46. Repina L. P. [“National character” and the “image of the Other”]. In: *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2012, iss. 39, pp. 9–19.
47. Retinsky S. G. [The Marxist concept of becoming nations and nation states: based on the works of F. Engels]. In: *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2022, no. 2, pp. 73–80.
48. Rudakova E. K. [Demographic processes in Europe: dynamics and reasons for depopulation]. In: *Vlast* [The Authority], 2020, vol. 28, no. 4, pp. 227–233.
49. Senyavskaya E. S. [The image of the enemy in the minds of participants in the First World War]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1997, no. 3, pp. 140–156.
50. Stalin I. V. [Marxism and the national question]. In: Stalin I. V. *Sochineniya. T. 2* [Works. T. 2]. Moscow, OGIZ Publ., 1946, pp. 290–367.
51. Starikov N. V. *Kto zastavil Gitlera napast na Stalina* [Who forced Hitler to attack Stalin]. Moscow, Peter Publ., 2018. 368 p.
52. Tagieff P.-A. *Couleur et sang. Théories françaises du racisme* (Rus. ed: Slavokhotova A. A., transl. *Frantsuzskie teorii rasizma*). Moscow, Ladomir Publ., 2009. 240 p.
53. Telitsyn V. L. *Proyekt «Anenerbe». Naslediye predkov i Tretikh reykh* [Project “Ahnenerbe”. The legacy of our ancestors and the Third Reich]. Moscow, AST Publ., 2001. 432 p.
54. Tishkov V. A. *Rekviyem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnicity: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 542 p.
55. Toshchenko Zh. T. *Etnokratiya: istoriya i sovremennost' (sotsiologicheskiye ocherki)* [Ethnocracy: history and modernity (sociological essays)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 432 p.
56. Wortman R. S. *Stsenarii vlasti. Mify i vesti rossiyskiye monarkhii* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Moscow, OGI Publ., 2002. 606 p.
57. Filatov A. [The Westphalian system as a mythology]. In: *Natsionalnyye interesy. Zhurnal Instituta natsional'noy strategii reform* [National interests. Journal of the Institute for National Reform Strategy], 2008, no. 1, pp. 139–157.
58. Khazanov A. M. [Salazar: 40 years of dictatorship in Portugal]. In: *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history], 2009, no. 3, pp. 129–146.
59. Huntington S. *Clash of Civilizations* (Rus. ed.: Novikova Yu., transl. *tolknoveniye tsivilizatsiy*). Moscow, AST Publ., 2006. 603 p.)
60. Kharitonova Yu. T. *Revanshisty* [Revanchists]. Moscow, Progress Publ., 1987. 238 p.
61. Hobsbawm E. [Invention of traditions]. In: *Vestnik Yevrazii* [Bulletin of Eurasia], 2000, no. 1, pp. 47–62.

62. Hobsbawm E. *Nations and nationalism after 1780* (Rus. ed.: Vasilyev A. A., transl. *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* St. Petersburg, Aletheya Publ., 1998. 306 p.)
63. Echo W. *Cinque saggi sulle tica* (Rus. ed.: Kostyukovich E., transl. *Pyat esse na temy etiki.* St. Petersburg, Symposium Publ., 2000. 157 p.)
64. Erme G. [Authoritarianism]. In: *Politologiya vchera i segodnya* [Political science yesterday and today], 1991, iss. 3, pp. 181–206.
65. Glazer N., Moynihan D. P. *Beyond the Melting Pot*. MIT Press, 1970. 364 p.
66. Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press, Cambridge, 2000. 320 p.
67. Linz J. Some notes toward a comparative study of fascism in sociological historical perspective. In: Laqueur W., ed. *Fascism: A Reader's Guide*. Berkeley, University of California Press, 1976. 121 p.
68. Moynihan D. P. *Pandaemonium: Ethnicity in International Politics*. Oxford, University Press, 1993. 238 p.
69. Paxton R. *The Anatomy of Fascism*. N.Y., Alfred A. Knopf, 2004. 321 p.
70. Payne S. G. *A History of Fascism, 1914–1945*. Madison, University of Wisconsin Press, 1995. 592 p.
71. Payne S. G. *Fascism: Comparison and Definition*. Madison, University of Wisconsin Press, 1980. 242 p.
72. Sarti R. *The Ax Within: Italian Fascism in Action*. New York, New Viewpoints, 1974. 278 p.
73. Smith A. D. *Nationalism and modernism: a critical survey of recent theories of nations A. Nationalism*. L.; N. Y.: Routledge, 1998. XIV. 270 p.
74. Winslow E. Marxian, Liberal, and Sociological Theories of Imperialism. In: *Journal of Political Economy*, 1931, no. 39, pp. 713–758.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Нация, нацизм и фашизм: социогуманитарные парадигмы политологических определений. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 7–28.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-7-28

FOR CITATION

Bagdasaryan V. E. Nation, Nazism and Fascism: Socio-humanitarian paradigms of political science definitions. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 7–28.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-7-28